

ПЁС

Василий
Бородин

РУССКИЙ ГУЛЛИВЕР

Москва
2017

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Б83

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

*Руководитель проекта Вадим Месяц
Главный редактор серии Андрей Тавров*

Бородин В.

Б83 Пёс. — М.: Русский Гулливер; Центр современной литературы, 2017. — 52 с. — (Поэтическая серия «Русского Гулливера»).

ISBN 978-5-91627-000-0

Аннотация...

ISBN 978-5-91627-000-0

© В. Бородин, 2017
© Русский Гулливер, 2017
© Центр современной литературы, 2017

I

* * *

на сухой и светлой земле
среди битого кирпича
где пройдёшь заводится ничьё сердце
тычется и отчаивается по ночам

это как бы — сырой зимой — тряпка в ветках
летом — белый безветренный шар цветка
с пустым стеблем и горьким соком
недостроенный дальний дом и в нём облака́

* * *

снег и плач
смех и плач
ледяное войско
но ты не плачь
ледяное войско нас победило
и включило в себя, не плачь

эти мёрзлые угольки сердец
в полководцах, в обломках солдат,
в пыли
общей ледяной
просто будь со мной
не злись, не боли́

завтра таять — тихо валиться набок
и паром вверх

* * *

покуда господь даёт тебе
какой-то клочок жилья
пой вместе с нами пой горячо:
как тонущая ладья
пробоиной просит воды-воды
мы просим беды-беды

и если друзья принесут ещё
жратвы — не ведись: жратва!
пой вместе с нами пой горячо
как яростная листва
кружением просит: зимы-зимы
оставленности просим мы

ворованный принцип: альты наверх
басы по оврагам вкривь
июль и какая-то кость в траве
и тряпка в костре горит
ночь держит тепло как печной ухват
сил мало и снится рай

* * *

скоро долго снег идёт
скоро ли дышит чего-нибудь?
скоро старание времени, север ветра
и на отломанной ветке обливной лёд
золочёными спицами лесом ходит
солнце из руки огромной в другую, и
ночью спят эти руки на коленях, спит сидя
природа старящаяся в водяной свет

* * *

спи сухой лес
книга сгорающая каждый вечер
горестней и несносней

книга о снеге
книга о строгом ливне
к небу обложкой
прячущей шорох гнёзд

* * *

тварное нетварному на всяком
ничьём поле — птицей в небе днём —
пишет: одинокий одинаков
пред моим или твоим огнём

тварному нетварное на это
птицу ветром чуть сдвигает; та
злится пулей, и прореха света
между туч безвидна и пуста

* * *

ТЫ ЖАЛОК
ветер
ТЫ ЖАЛОК
вепрь

НО ВЫ
пьяница и червяк
короли
земли

ВЫ ЖИВЫ — ЭТО
отдельное торжество
и острые листья ивы
шумят друг другом

ТЫ ВЕСЕЛ
рай
ТЫ ВЕСИШЬ КАК
линия и точка

НО ВЫ
цветок и поэт —
ВЫ КЛОНИТЕСЬ
ВЫ ВЕСОМЫ

ВЫ СМОТРИТЕ НА МУРАВЕЙНИК — ЭТО
последние слова песни
и листья берёзы на просвет —
как теодицея, эй

* * *

Кажется, что темная природа
Охладела к внутренней ночной
Белизне в древесном соке, к ровной
Сырости осенней земляной.

Перекрестьем и разбросом — лапы;
Маятник мелькающих стволов —
А погоня выдохлась, и слабым
Волком смотрит изо всех углов

* * *

в комнате до нас
жили прежние мы
совершенно те же мы, той же
пустотою полны

— окружены: холодной, светлой
хмурой или поскальзывающейся — дневной
но вчера не было ветра,
а сейчас он прозрел, поднял хлебный пакет
выше дома, дёрнул окно

ясно же, что не жалобный этот стеклянный зуд,
а упавшая на пол пустая тетрадка — нет,
не зовет грозу,
а сама — страшный, нет, смешной —
шорох времени, замершая, не зная,
куда лечь, страница, любовь, тоска,
полная ужé ясность, навик не отвлекаясь
смотреть: катятся облака

* * *

старые поэты
в старых куртках
пачка
сигарет в руке у бородача
и остальные — седые бородачи
мелкий предновогодний
дождик
асфальт в своём мудром
золоте
а перед этим
мы молодые выпивали
как я сказал, «за новое в новом году»
и говорили на ходу
в центре Москвы — олени из лампочек
длинный тоннель из переливающихся
гирлянд
песенка на английском — девичий голос
дразнил кого-то, кто не противен, не зол,
не слеп
а мы несли в плоских сумках, в руках,
в карманах
многостраничный лаваш,
переизданную книгу хлеба «хлеб»

* * *

в старом дыме жили и росли

тихо родители жгли себя —
светло ровно

нужен новый дым
а мы не горим

* * *

у ночного костра
кажется, что огонь
течёт в ветках всех вокруг ёлок,
и сердца наши гонят по
жилам рыжий огонь,
алый перелив; когда Страшный суд
восстановит всё из золы,
пыли и песка,
выяснится: на летних кострах сгорели
слепота, жадность чувств, тоска

вот — глядит зябким утром в небо
чёрное пятно выжженной земли,
от которого все ушли

* * *

просто ли в тишине
дождик чернее ды-
шать начинает нет
ни беды ни беды

те беда и беда
по своим по полям
ходят — или вода
ходит по тополям

как высокие пни
с золотою корой
ночью дышат они
над водою сырой

просто ли тишина?
в мокрых ли головах? —
полная как луна
круглая как трава

* * *

свет приходит и делает камень из темноты
камень с искрами
из куска шумной немоты
реку с блёстками
из длины тихой чистоты
тебя: ты

свет приходит и строит: пакля, бревно
круг бревна, трещины, пазы
в трещинах — последняя темнота нóчи
точат-точат её жуки, и как молнии среди грозы
каждый их извилистый ход
дождь идёт

свет болит и поёт собой
там где рельсы-дуги
проникают одна в другую и гравий-скрип
или рыба ударит хвостом
круг растёт на круге
и летит во все стороны стая рыб

свет поёт о простом:
что я не умею
быть любить говорить думать но
ближе к вечеру он готов
обвести край
меня: я

* * *

а это ты
а это остаточный тополинный
пух —
показалось, что мелкий снег
это скоро ливень
это чужая правота
как красивые ружья
а это я
и это не нужно

а в промокшей земле тихо тянутся корни
как старческие руки под успокоительным
как си бемоль на третьей струне;
бурлаки дня тянут лодку дня;
солнечные девчонки щурятся в ней
и плывёт над ней
шар чудовищного, ликующего огня

* * *

я иду по следам впечатлений отца
небо серое отражено
в длинном озере то есть понять до конца
никому ничего не дано

но в искусстве стараешься быть чуть грубей
чем внутри сердца и головы
так мельчайший ярится всегда воробей
вырвать крошку у целой москвы

и вечерней воды дождевой на листе
круглой острой густой как стена
меркнет иглами золото ходит в траве
тишина тишина тишина

* * *

на ветру лодки качаются на воде
на воров
на войну
дождик льёт в старину
вспыхивает водяным светом
мокрый картон
и по слабым
цветам
дождик — в будущем, там

а ты — узел на этой временной нитке
или тёмная капля
в углу глаза мира-пса
кто сотрёт тебя и обнимет его башку молча?
летят небеса
думал так не бывает а ветер рваный
обгоняющий самого себя свистит бьёт
недоклёпанной жестью по сварной раме
и — солнце бьёт в глаза,
как в нос и в глаза бьёт йод

поезду веришь?
голому зонту веришь?
перочинному ножу в следах синего грифеля
— чёрный грифель скажет: где гулял?
и сломается в глубине уже очень короткого
карандаша

стоям веришь?
ван Гогу веришь?

фиолетово-розовый
закат, городские ёлки
на плохую твою жизнь смотрит
пустая лавка
длинное волокно
оплывающее спил сучка
шариковая ручка
перевернулась, течёт в кармане: «я море»

* * *

вряд ли, но:
в нас проглядывают старики,
то есть внутренне тёмные времена,
то есть внутренний рост — но вширь:
чёрные леса и их вспыхивающие петли-рёки,
и дверные петли домов-стариков поют:

вряд ли, но:
корневища поваленных бурей ёлок —
наши давешние намеренья — вдруг видны;
капли копятя на ежах солнечных иголок;
серая паутина в пыли вины заново бела:

вряд ли, но:
если вдруг заплакать,
это будет как на коре вырезано сердце,
в нём торчит стрела и кипит смола

* * *

наземному транспорту нужен поэт
всему нужен свой поэт
троллейбусная тишина плывёт
и нужно молча прощаться
с печальной скрипачкой, с нестарым злым
стариком —
кто́ может быть родней тех, с кем не знаком?
такие лица бывают когда не поймёшь:
душа болит или спина

выходишь а там луна

* * *

о печали знают все
что она не продаётся
состоит из искр в росе
в сердце запертая бьётся

и оно давным-давно
как немытая посуда
или звон над тишиной
на границе с самым чудом

II

АЛКОГОЛИ

1

от печки душно, и сама тоска —
счастливая, как тёмные глаза.
жар-птицею глядят ТРИ СТАРИКА;
ночь-речка — в точках, как ничья слеза.

в неё влюбился долгий-долгий дождь,
он плачет, потому что он ожил;
кто знал эту обломовскую дрожь,
и крах, тот создал этот огонь для жил,

фальшивящий, как жалкий бенефис
восьмидесятилетнего певца.
глаза тоски светлы и смотрят вниз,
и я уж не могу поднять лица

2

вся как наждак и воробьиный гвалт,
как некое «патроны подвезли!»,
приходит ЗАКАЗНАЯ, и подвал
любой как бы взлетает от земли

тем более — прекрасный пыльный сквот.
но кто с ней ранним вечером гулял,

тот как святой сиял, как идиот,
как в дерево влюблённая земля.

на дереве пустое спит гнездо,
и все вороньи слётки на земле
кричат, кричат, пока звезда с звездой
не скажут им о силе и крыле

3

как ясные, разумные слова
в поэзии сплетаются в фигню,
смирнейшая СТАРАЯ МОСКВА
даёт в тебе простор тому огню,

с какого начался пожар Москвы,
и ветер рад был пламенем писать,
как на пиру библейском, но увы —
нам не от кого тут себя спасать:

единственный наполеон — враньё
себе о том, что можно стать иным,
но это пламя дышит и поёт
на ветхих крышах утренней вины

4

итак, вчера ты юн, а завтра стар,
но этот промежуток — как змея,
и ты с гранёной стопкою NORD STAR
сидишь и думаешь: «я... я... я... я... я... я...» —

длинней, чем Ходасевич! и желтей
твоё лицо, и волосы серей,
и даже меньше денег и путей,
и, дай-то бог, помрёшь ещё быстрее,

но в льдистых этих гранях — летний свет
и тот всепроясняющий покой,
когда, как бы суммируя ответ,
мычишь и в полусне ведёшь рукой

5

как дева хрупкая внутри себя как сталь,
а голос нежный — серной кислоты
фонтанчики пускает, так и та
ДОРОГА ЗИМНЯЯ, какую выбрал ты.

так на заводы шли в сорок втором
подростки: встать на шаткий табурет,
точить снаряды, и пустым двором
идти домой и плакать во дворе.

но всё-таки победа, что бы ей
мы ни считали, брезжит в каждом дне,
и зимняя дорога всё теплей,
как свет, уже ночной, в чужом окне

МАРТ

сердце внутреннего льва
до свидания долой
солнце внутреннего рва
небо с точкой и иглой

рыцари звенели вниз
по капели солнце жглось
синь серебряные дни
гóры голосом насквозь

парты вы́резать стрелу
годы талые поля
пели дерево во мглу
полдороги и земля

змейка змейка череда
отражений от стены
колокольного труда
и капели-глубины

это нимбами теснясь
материнство и заря
на искрящем срезе дня
горным инеем горят

* * *

репей не хочет ни за что
цепляться а репъём
родился высох и в пустой
вцепился окоём

и ливень как бы от беды
ото всего бежит
но вот репей и вот воды
колючий шар дрожит

* * *

как мокрая пыль — не сырая земля,
так эта тоска твоя, интеллигент, —
не горе народное. а на полях
пометки — не неурожай

ты воешь, свернувшись в ночного ежа,
но ведь не от голода — так, от любви
невызревшей и головной,
от мертвенной ясности: да, ты говно
— и все пишут: уезжай

представим отчизну как спирт со змеёй
в стеклянной коробке, но школьный звонок —
как взрыв, и волнами весна в окно
распахнутое плывёт

представим пустые поля под дождём:

оставим пустые поля под дождём;
представим незлых старух,
их валенки летом, лязг во дворе:
пёс дёрнул цепь, сумрачный кот прошёл,
синяк у снохи ещё не сошёл,
а сын три дня как в земле

и дальнего поезда стук сырой:
представим решимость, что ты герой:
граница, свобода, победа — вой
в коленки лбом, головой

* * *

и я прощения просил
что попусту люблю
на выброс жизнь на выброс жизнь
а в небе хорошо
паслись созвездия стрижей
и где-то поезд шёл

усталость занавесок на
вагонных окнах; их
обвисшей, складчатой тоской
и чай заболел
паслись созвездия стрижей
над мелкою рекой
и головою тряс козёл
и чёрный бык кивал

в просветах лёгоньких берёз
лазурь стояла как
воздушный ельник; поезд шёл
и в чае сахар сник
река стряхнула солнце, а
созвездия стрижей
немного сдвинулись назад —
как бы сгорел дневник

жевал детёныш саранчи
зелёный лист, и пух
легчайший на листе тепло
светился как печаль
и время острым войском шло
и ход его молчал

* * *

колючку снега
почему-то
хочется сохранить
и тебе подарить
чтобы не сразу
таяла на руке
чтоб разговаривала
со звёздочкой вдалеке

куртка бомжовеет день за
легчайшим днём,
и на рукав
колючка снега, ложась,
светится внутренней чистотой,
белым огнём
рядом сестра её — святой
кажется: жертвенной, всемогущей

много, много сестёр:
ветер гонит их
шумным войском
заселять пустыни травы,
монастыри листовы
вскоре перестаёшь
узнавать каждую в лицо
это и есть мудрость, зрелость, доблесть

* * *

я нарисовал
на снегу
мочой собаку
но не хватило
на хвост крючком
каждый художник одинаков
в этой недоосуществленности —
о ком
бы вы ни ни подумали:
о ван Гоге!
— он рисовал
жёсткие пятки крестьянки, что
долго-долго стояла
на пороге
зимней избы — с картошкой
в подоле дымящейся
...кто-
то
ему, ван Гогу,
всё время шептал, внутри головы
что он не умеет как следует изобразить
силу любви

* * *

корни в прятки играют —
дóма, в земле:
прячутся за корнями
а наверху
дети прячутся за стволами,
перебегают и смеются,
дни прячутся за днями,
прошлое с будущим расстаются
молча, да: что-то
тáк бьёт им в грудь
что не вздохнуть
а наверху
ветки играют в прятки —
дóма, в сыром
воздухе прячутся за ветвями;
туча с тучей дерётся,
мирится, плачет,
рядом плывёт
или наоборот:
белое облако с белым
облаком расстáется
о золотом своём безразличье
молча поёт

* * *

в шахте ли блеск на слоистых сколах
или в ночном лесу белая сова

вот и у любящих:
все слова —

те, что можно взять где угодно
достать свободно —

почему-то всегда в угольной пыли
в тающих клочьях лесного страха:

«пошли домой» —
значит «я тобой спасся»

«ага, пошли» —
означает «зимой

будет по краю крыши ходить ворона
проверять мёрзлые тайники

будет тоска огромна а дни легки»

* * *

впервые женится старик
и открывает для себя:
на снегу дышит печной уголёк
по деревенскому небу солдаты идут трубят

настоящее войско разгромлено всё, и в звёзды
превратилось, как в ордена из колючих слёз
а трубачи идут рваной тёмной
дымкой — скажи, брат пёс

печь — как супружеское
ложе огня и напиленных длинно тощих осин
— повторится ль когда-то застолье бездонное,
дружеское?
на лавке — кот; в красном углу — Божий сын

вот и суровая серая холстина
вышитого белогрудыми ласточками рушника
— долго-долго играют “my favourite things”
сгорбленные, как двоечники из музучилища,
тощие облака

* * *

я так был рад тем печальным дням
где трава летит где бежит земля
навстречу шли тёмные стога
и лесов дальняя пила

и я спросил встречу ли тебя
у зеркальных луж у еловых лап
там солнце в капле скопилось и
капля сделалась тяжела

одно мгновенье другому — как
младший брат или старшая сестра
и души этих мгновений — как
драка, слёзы и хоровод

я шёл и путь делался ясней
и я почти что пришёл к тебе
вон — ветер в ветках, как встречный взмах
зелёных
рукавов

* * *

страшно
слово
сказать

оно будет как
ничей зверь

на жестоком морозе
на колючем ветру

если
слово
забрать
назад

оно,
родившееся
из тишины,

как бы
умрёт
в тишину

если
сказать
тишину

она будет
как белизна

спокойных сугробов,
как густая небесная синева

если
тишину
забрать
назад

она заблудится
как ночью
чёрная лошадь

на колючем ветру
постучится в мёрзлую дверь

* * *

как бумажный фонарик бессмертный
мы побьёмся о дождик слепой
станем старше и станем бессмертны

песню пой

звёзды встанут над скошенным полем
дымкой круглою обведены:
позади — перейдѐнное поле

ТИШИНЫ

* * *

— я хотел бы попить воды
я её так любил всегда:
утром встать и попить воды

— в аду отменена вода

— я хотел бы в ночном пути
посидеть у костра

— в раю
ночи нет, некуда идти
и огня в руки не дают

* * *

московский осенний закат —
начало заката —
это особый колористический
парадокс:
все облака
фиолетовы в середине
розовы по краям
а самый низ неба —
натурально зелёный,
как писал Эрих Мария Ремарк

...я раньше думал —
он преувеличивает, как плохой немецкий
ПОЭТ

но небо бывает зелёным:
как сильно разбавленный цвет листвы
и тёмная листва
шевелится, замирает

вот идут девочки
по две, по три
лет двадцати —
двадцати пяти
в огромных очках
в суровых оправках

так глупы и нелепы
так красивы и так нежны
и никому не нужны

но небо видно им
в любой пространственной точке
почти ядовитое
почти золотое — как нимб, как рай
а они идут мимо
пустого кафе
смотрят в мертвенные экраны
и гонят пальцем
друг дружкины фотопортреты
с выигрышной светотенью
с недоумением в глазах

...чувак! может быть, ты
думаешь
что твоя родина — это Россия
нет, твоя родина — ложь и смерть
просто ложь и смерть
вглядишься в любое
собственное слово и дело
что ты там видишь?
ложь и смерть

вот ты обещал
обещал и не сделал
вышил
и не замолчал
полюбил и не промолчал
вроде, фигня
но сам сатана жмёт твою руку:

ты утвердил
ложь и смерть
ты подтвердил
ложь и смерть

но истина ждёт тебя
в любой временной точке
истина ждёт тебя
и устала ждать
истина ждёт тебя
в любой временной точке
истина ждёт тебя
и устала ждать

вот издевательский разговор
зелёной листвы и зелёного неба
и самоедская
хмурость лиловых облаков:
а через два часа
выглянут звёзды
кошки в тёмном дворе
залезут на карусель
и дворничиха Роза
выйдет с рыжим псом
закурит и поздоровается басом

московская ночь —
начало ночи —
осенняя ночь
лёгкие колтуны облаков
синие звёзды и блеск травы
белые фонари
рыжие фонари

чуткая тишина
дыхание тишины
тишина
так красива и так нежна
синяя тишина
и никому не нужна
робкая тишина
долгая тишина

* * *

дождик мерцал
дождик мерцал
долгою мглою
чистых зеркал

дом коридор
комната дым
тают следы
тают следы

* * *

долгая дорога
тёмные деревья
счастливые звёзды

перо на реке
две трети луны
пятно от костра
как боль тишины
заросший окоп
как стыд и тоска всего бытия
и утренний холод
как радость твоя

новая дорога
золотые сосны
высокое солнце

кора на воде
её поворот
и — разный везде —
искрящийся кислород
обрывки корней
и глинистый бледный обрыв

молчание в тишине
застывшей жары

дорога домой
синие деревья
падающие звёзды

СОДЕРЖАНИЕ

I

«на сухой и светлой земле...»	3
«снег и плач...»	4
«покуда господь даёт тебе...»	5
«скоро долго снег идёт...»	6
«спи сухой лес...»	7
«тварное нетварному на всяком...»	8
«ты жалок ...»	9
«Кажется, что темная природа...»	10
«в комнате до нас...»	11
«старые поэты...»	12
«в старом дыме жили и росли...»	13
«у ночного костра...»	14
«просто ли в тишине...»	15
«свет приходит и делает камень из темноты...»	16
«а это ты...»	17
«я иду по следам впечатлений отца...»	18
«на ветру лодки качаются на воде...»	19
«вряд ли, но...»	21
«наземному транспорту нужен поэт...»	22
«о печали знают все...»	23

II

Алкоголи	24
Март	27
«репей не хочет ни за что...»	28
«как мокрая пыль — не сырая земля...»	29
«и я прощения просил...»	31
«колючку снега...»	33
«я нарисовал...»	34
«корни в прятки играют...»	35
«в шахте ли блеск на слоистых сколах...»	36
«впервые женится старик...»	37
«я так был рад тем печальным дням...»	38
«страшно...»	39
«как бумажный фонарик бессмертный...»	41
«— я хотел бы попить воды...»	42
«московский осенний закат...»	43
«дождик мерцал...»	47
«долгая дорога...»	48

Поэтическая серия
«Русского Гулливера»

Василий
Бородин

ПЁС

Руководитель проекта Вадим Месяц
Главный редактор серии Андрей Тавров
Оформление и верстка: Ирина Усачева

Издательство «Русский Гулливер»
Тел. +7 (495) 159-00-59

E-mail: russian_gulliver@mail.ru
<http://www.gulliverus.ru/>

По поводу покупки книг звонить:
+7 (905) 575-41-03

Формат 60x90^{1/8}. Гарнитура «Book Antiqua»
Печ. л. 3,25

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Cherry Pie»
112114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12